

Из «Книги разлук»

Что-то мне сегодня одиноко.
Одиночка знать себя дает?
Чудится: судьба неподалеку,
И никто на помощь не придет.

А придет под утро Ангел смерти,
Сонный, непричесанный, босой,
Но с освобождением в конверте
И с простой крестьянскою косою.

Скажет он: «Окулова, с вещами!»
Стану собираться, чуть жива.
Суну под подушку завешание —
Вроде тех, что делал Франсуа.

«А, пришел! — скажу. — И слава Богу.
То-то успокоилась душа.
Ну, веди, показывай дорогу.»

И пойдем на волю не спеша.

* * *

Босиком по горячей золе
Я бродила, как ласковый странник,
В этой проклятой и окаянной,
Но до крови любимой земле.

Я в канавах искала цветы
И больных стариков врачевала,
Я чужих ребятишек качала
И чужие любила стихи.

«Ты чужая для нас, уходи! —
Говорили мне добрые люди, —
Голова твоя будет на блюде
Или крест тебя ждет впереди!»

Я теперь уже вижу сама:
Больше мне ничего не покажут.
Наступила большая зима,
И деревья платочками машут.

* * *

Замолчи! Землянка зимой не про нас!
Звон прошел по закату пустого пространства:
Опершись на Голгофу и на Парнас,
Разрываю всем телом аркан государства.

Где моя остановка, куда занесут
Перелетные кони рассеянной стаи?
Если где-то спасают, то здесь не спасут:
Если здесь убивают — меня убивают.

* * *

С утра в историческом здании суда,
суда городского, в казеннейшем месте
я жду, что хоть здесь мы окажемся вместе,
что вас под конвоем доставят сюда.

Ну что бы хоть раз оступиться судьбе!
Разлука неправая невыносима.
Вот голос знакомый... Не верю себе...
«Здорово, приятель! А где мой любимый?»

Услышали. Щупальцы красной звезды
уверенно вздрогнули и подползают.
Но рот мой горячий вовек не узнает
прокислого вкуса железной узды!

Нам дверь не откроет конвойный-холуй,
но я посрываю решетки и ставни,
разбойничьим посвистом песенки давней
упрямые губы сложив в поцелуй.

* * *

Ночная бабочка придет из темноты,
китайским веером помашет надо мною,
и я усну, и мне приснишься ты,
и назовешь меня своей женою.

Велишь мне платье длинное надеть
и в руки взять цветы и в новом доме,
где половицы, словно мед и медь,
пройтись по комнате, чтоб ты меня запомнил.

Ты сядешь рисовать мои цветы,
а я напротив с книжкой устроюсь
и задремлю, и мне приснишься ты
и назовешь меня своей сестрою.

И нам с тобою в новом этом сне
плеснет в глаза цветок неотвратимый,
и наша кровь на каменной стене
смешается, как в чаше побратимов.

Я Божий гром услышу с высоты
и выпущу плечо родного брата,
и упаду, и мне приснишься ты
и назовешь меня своей утротой.

Ты мне глаза закроешь и лицо
и на руках снесешь меня обратно,
и разомкнется рук твоих кольцо —
ни мужа, ни любимого, ни брата.

Тень бабочки умрет на потолке,
отравленная насмерть желтым светом,
и я усну с душою налегке
на полчаса, без снов, перед рассветом.

* * *

Ну, как вам страдается, милые братья,
на том берегу перемерзшей Невы?
До вашей беды и во сне не добраться,
а вы и не спитесь — да что это вы?

Куда ни посмотришь — кресты да могилы,
да серые, желтые скорби дома...
А вы мне не снитесь. Да что же вы, милые?
Ведь нам только ночь для свиданья дана.

А как мы когда-то друг друга любили!
А ночь и в разлуке дана для любви.
Я знаю, что вы про меня не забыли,
но вы мне не снитесь — за что ж это вы?

ТОСТ-ПОСЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ К НОВОМУ ГОДУ

Я пью за военные астры...

О. Мандельштам

Я поднимаю кружку и пью тюремный чай
за траурное кружево и светлую печаль.

Я пью за вашу дружбу, за веру и за честь,
которые, как прежде, еще в России есть.

За то, что славе старой восстать пришла пора
в художниках-гусарах и в рыцарях пера.

За ваши поражения — предвестники побед,
за лица ваших женщин, прекрасные, как бред.

За гордые могилы, за Царское село,
за то, что вас такими родиться повезло!

* * *

Не одиночество, но просто — одиночка,
где день и ночь горит кромешный свет.
Еще не все, еще дана отсрочка,
и нет ни суетинки из сует.

Вот здесь теперь мой дом. Он желт и тесен,
не годеи ни для слов, ни для любви...
Но задрожит в ладони желтый крестик —
извечное «Спаси и сохрани».

В который раз друг друга мы спасаем:
Здесь Ты один — и совесть, и совет.
Да будет же Твой свет неугасаем,
да сгинет здешний негасимый свет!

Я ночью на шнурок Тебя прилажу —
гнев перестанет голову кружить;
прильну к Тебе губами и поглажу
и научусь не выживать, а жить.

Наталия ЛАЗАРЕВА

Стихотворения

БОЛЬ

Я помню...Шел этап очередной.
В стране девиз был: «Семилетка»!
И чтоб давать Продукт Большой.
Теплом станков согреют тут ребенка.

А если спросят: «Сколько лет?»
Отвечу просто: «Комсомолка.»

Но, пройдя
сквозь серые годы,
Я убегу
от людской суеты —
Жизни мрачно-суровой...
Буду блуждать меж небом и морем...
И буду искать
жемчужину
воли...
И не найду,
конечно.